

А.Р. Лурия

Потерянный и возвращенный мир (история одного ранения)

Это повесть об одном мгновении, которое разрушило целую жизнь.

Это рассказ о том, как пуля, пробившая череп человека и прошедшая в его мозг, раздробила его мир на тысячи кусков, которые он так и не мог собрать.

Это книга о человеке, который отдал все силы, чтобы вернуть свое прошлое и завоевать свое будущее.

Это книга о борьбе, которая не привыкла к победе, и о победе, которая не прекратила борьбы.

Пишущий эти строки — не является в полной мере автором этой книги. Автором является ее герой.

Передо мной лежит кипа тетрадей, пожелтевших, самодельных тетрадей военного времени и толстых, в клетчатых обложках, тетрадей последующих лет мирной жизни. В них почти три тысячи страниц.

На них герой книги затратит четверть века работы — изо дня в день, из часа в час, пытаясь записать историю своей жизни, последствия своего страшного ранения.

Он собирал свои воспоминания из мелких осколков, мелькавших без системы, пытаясь уложить их в стройную последовательность. Он испытывал мучительные затруднения, вспоминая каждое слово, собирая каждую фразу, судорожно пытаясь схватить и удержать мысль.

Иногда — в удачные дни — ему удавалось за целый день написать страницу, много — две, и тогда он чувствовал себя совершенно истощенным.

Он писал, потому что это была его единственная связь с жизнью, единственный способ не поддаться недугу и остаться на поверхности. Это была его единственная надежда вернуть что-нибудь из потерянного. Он писал с мастерством, которому мог бы позавидовать любой психолог. Он боролся за жизнь.

Эта книга о мучительной борьбе с болезнью. Книга о героической борьбе за жизнь. Книга незаметного героя, которого родила война...

В мире грамматических форм (отступление третье)

Ему [герою — раненому бойцу] было трудно понять речь товарищей, смысл рассказа, содержание доклада. Еще труднее было разобраться в мысли, излагаемой в тексте.

Лурия Александр Романович
(1902–1977)

Действительный член АПН СССР, доктор психологических наук, профессор. Основатель отечественной нейропсихологии, сотрудник Л.С. Выготского. Основатель и главный редактор «Докладов АПН РСФСР».

В начале 20-х гг. XX в. стал научным сотрудником Психологического института, где работал до 1930 г. В начале Великой Отечественной войны был назначен руководителем крупного нейрохирургического эвакогоспиталя на 400–500 коек. В годы войны А.Р. Лурия и группа его сотрудников организовали серию исследований и реабилитационную практику раненых с травмами головы, в частности, инновационную реабилитацию посредством трудотерапии. Эти исследования положили начало новому направлению в психологии — нейропсихологии. В течение более чем 50-летней научной работы А. Р. Лурия внес важный вклад в развитие различных областей психологии таких как психолингвистика, психофизиология, детская психология, этнопсихология и др.

Основные труды:

- *Речь и интеллект в развитии ребенка (1927)*
- *Учение об афазии в свете мозговой патологии (1940)*
- *Травматическая афазия (1947)*
- *Восстановление функций после военной травмы (1948)*
- *Умственно отсталый ребенок (1960)*
- *Лобные доли и регуляция психических процессов (1966)*

В этом ему мешало трудное узнавание слов, то, что значение слова исчезало из памяти, как только он переходил к другому; понимание затруднялось тем, что слова говорящего так быстро сменялись одно другим, что он не успевал схватить скрывающийся за ним смысл, что ему не хватало времени на это.

Но только ли в этом были трудности, делавшие понимание речи таким мучительным?

Нет, вероятно, далеко не только в этом...

Мы уже говорили, что одно из основных затруднений в понимании развернутой речи заключалось в том, что он не мог сразу схватить ее содержание, обозреть все, что было в высказывании, как единое целое, уложить его в одну схему, выделив основной смысл. А ведь именно это делаем мы, схватывая содержание рассказа!

Сначала это делается не сразу и требует большой работы. Вспомним, как трудится школьник, а потом студент над усвоением сложного текста! Постепенно этот длительный процесс свертывается, вырабатываются навыки быстрого понимания, и под конец — как быстро, казалось бы сразу, без всякой видимой работы — мы начинаем схватывать содержание доклада или мысль текста.

Но не всяким изложением овладеть легко. Путь от развернутой речи к лежащей за нею мысли может быть сложным, извилистым, полным неразличимых сразу препятствий. Хорошо, если рассказ течет просто и плавно, если он состоит из простых фраз, последовательно, шаг за шагом развивающих повествование: стояла теплая погода, он подошел к озеру, сел в лодку, взял весла, как приятно плыть к дальнему берегу... Ну, а если изложение извилисто, если фразы сложны, если к основному, главному предложению присоединено придаточное, если мысль должна все время возвращаться к пройденному, сличать продолжение с началом, все время удерживая единую нить, которая то исчезает, то появляется снова?

Основные труды:

- *Мозг и психические процессы (1963)*
- *Высшие корковые функции и их нарушение при локальных поражениях мозга (1962)*
- *Маленькая книжка о большой памяти (ум мнемониста) (1968)*
- *Психология как историческая наука (1971)*
- *Потерянный и возвращенный мир (1971)*
- *Основы нейропсихологии (1973)*
- *Об историческом развитии познавательных процессов (1974)*
- *Нейропсихология памяти (1974)*
- *Основные проблемы нейролингвистики (1976)*
- *Язык и сознание (1979)*

Языковеды хорошо знают карту этих препятствий и располагают надежными лопатками в этом извилистом плавании. Они различают «дистантные предложения», где мысль прерывается отступлениями, и противопоставляют их «контактным», текущим плавно, без таких отступлений. «Гора, на которой стоял старый дом с красной, черепичной крышей, была высока и покрыта серым мхом...». Кто? Гора? Крыша? И как серый мох относится к красной черепице?.. Нет, в этом «дистантном» предложении, где подлежащее «Гора» отделено целым десятком слов придаточного предложения от сказуемого «была высока» — в нем еще надо разобраться, понять его не так легко.

И еще труднее странные речевые фигуры, которые называют «инверсиями». Так ли легко можно схватить смысл фразы: «Не опоздай я на поезд — я не встретил бы вас...». Опоздал он на поезд или нет? Встретил он его или не встретил?.. или: «Я не привык не подчиняться правилам». Кто сказал это? Строптивый бунтарь или послушный ученик? «Не привык!» «Не подчиняться!» Казалось бы, все так резко, так вызывающе! А теперь подумайте, и смысл окажется обратным. Все это шутки грамматических инверсий! А те случаи, когда порядок слов не совпадает с порядком мыслей? «Я прочитал газету; потом позавтракал...». Все просто... А попытайтесь сказать это по-другому, в одной фразе: «Я позавтракал, после того как прочитал газету...». Не правда ли, как затрудняет понимание этот оборот, где последовательность слов расходится с последовательностью событий и где связка «после того как» заставляет все перевертывать? Грамматические «инверсии», эти формулы-перевертыши, снова сыграли свою плохую шутку.

А сложные падежные окончания, создающие прочную и строго расчлененную связь между предметами, подчиняющие один образ другому и образующие скелет логической системы? Мы уже привыкли к ним и быстро схватываем их значение. Но так ли это легко? «На ветке дерева гнездо птицы». Это не просто перечисление: вот ветка, вот дерево, вот гнездо, вот птица! Здесь все выстроено в строгий порядок, и эти пять слов создают один образ с четко соотнесенными друг с другом частями. А те более сложные падежные окончания, которые выражают отвлеченные отношения вещей? «Кусок хлеба» — это просто. А «брат отца»? Это ни то, и ни другое, не «брат» и не «отец»; это нечто третье — дядя, о котором в этом выражении не было никакой речи. А «отец брата»? Ну, это, конечно, ставит каждого в тупик: простите, да ведь это тот же отец? Отец моего брата — он и мне приходится отцом! Для того чтобы понять эти сложные отношения, в которых слово, стоящее в родительном падеже, выражает вовсе не предмет, а его качество, свойство. Брат отца — это отцовский брат. Нужно проделать целую сложную работу: отвлечься от наглядного значения слова «брат», мысленно изменить порядок слов (ведь прилагательное, обозначающее свойства, всегда стоит в русском, языке не на после-

днем, а на первом месте), — только после этого загадка «атрибутивного родительного» проясняется.

И только для нас, усвоивших логические узоры языка и стоящих на плечах многовековой культуры, этот процесс расшифровки такой конструкции протекает свернуто, мало заметно, просто. А ведь еще в записях 15–16-го века люди не писали «дети бояр», а использовали гораздо более простую форму «бояре — дети», и вместо «земли Прокопия» обязательно использовали более развернутую и неуклюжую форму «этого Прокопия — его земля», давая этими вставками внешние ориентиры, помогающие обойти трудности такой сложной грамматической структуры... И вместо «убояшеся силы рати (войска) Ахейцев» было написано: «убояшеся силы и рати ахейской».

Нет, сложные обороты речи, которые вошли в наш быт и которыми мы пользуемся, не замечая их сложности, — это коды, созданные многими столетиями, и мы легко применяем их только потому, что полностью овладели той сложнейшей оркестровкой языка, который стал основным средством нашего общения.

А целая семья других средств выразить отношения — предлоги, союзы: под, над, справа, слева, вместе, несмотря на, вследствие... Мы так привыкли к ним, что применяем их, не задумываясь. «Корзинка под столом», «крест над кругом», «книга справа от ручки»... А ведь всего двести лет назад связь этих частиц с вещественными словами, обозначавшими предметы, выступала с полной отчетливостью: недаром в это время «под» означал еще конкретный «низ» («под» печи), а слова «справа», «слева», «спереди», «сзади», «вместо» писались иначе — «с права», «с лева», «с переди», «с зади», «в место», так что их конкретное значение «правое», «левое», «перед», «зад», «место» выступали с совершенной прозрачностью.

А сравнительные формы: «Слон больше мухи» или «муха больше слона»? Это мы схватываем сразу! Ну, конечно же, вторая неправильна! «Весна перед летом» или «лето перед весной»? И это ясно. А вот: «Солнце освещается землей» или «Земля освещается солнцем»? Об этом еще нужно подумать: ведь в русском языке активный член предложения всегда стоит на первом месте и логическое подлежащее обычно совпадает с грамматическим, а тут в первой фразе это правило нарушено злой шуткой логической «инверсии», которую требует конструкция страдательного залога!

Нет, язык, которым мы владеем с такой легкостью, на самом деле представляет сложнейшую систему кодов, которые сложились за долгую цепь столетий и которыми еще нужно овладеть. И это все совершенно необходимо для того, чтобы ясно понять сложное высказывание.

Падежные окончания, предлоги и союзы — все эти сложнейшие коды языка стали тончайшими и надежными инструментами для мышления; история трудилась многие столетия, чтобы дать их каждому владеющему языком человеку.

А что нужно от самого человека, чтобы успешно пользоваться ими? В основном одно: умение хранить их в памяти и способность быстро и сразу, одновременно обозревать те отношения, в которые они ставят отдельные слова и вызываемые ими образы! Одновременно? Но именно эта возможность одновременного («симультанного») обозрения сложных систем (будь то пространственное расположение предметов или мысленное сопоставление элементов) была недоступна нашему герою. Разрушенные у него отделы коры головного мозга были как раз теми мозговыми аппаратами, необходимое участие которых только и могло обеспечить возможность превращать обозреваемое в одновременно обозримое, «возможность симультанного синтеза отдельных частей в единое целое», как любят говорить неврологи.

Вот почему выведение из нормальной работы тех участков мозговой коры, о которых мы уже говорили раньше, было не только причиной нарушения ориентировки во внешнем пространстве, но вызывало и непреодолимые затруднения в операциях сложными кодами, использование которых становилось невозможным, если большой сразу же не мог схватить обозначаемого ими соотношения вещей, охватить своим внутренним взором всю систему связей и отношений, которые обозначены этой системой кодов.

«Брат отца»... и «отец брата»... Ну да, ясно, и там и здесь есть «брат» и там и здесь есть «отец»... Ну, а что же дальше? В каких отношениях они стоят друг к другу? Что означает каждая из этих грамматических конструкций? Нет, это трудно сказать. Как будто они одинаковы, а вместе с тем и нет. И никак не удается пробиться от поверхности слов в глубины значений. Или вот еще: «круг под квадратом» и «квадрат под кругом». И снова это странное переживание — как будто это одно и то же, ведь все три слова есть и там и тут, — и вместе с тем, наверное, это что-то разное...

Мы ставили с нашим больным тысячи экспериментов, переделывая на разный лад грамматические конструкции... Многие часы на протяжении многих лет были отданы тому, чтобы выяснить, какие именно коды языка стали недоступными для этого пораженного мозга и какие продолжали оставаться сохраненными.

Лингвистика стала важным орудием для психологического исследования, но и сам больной оказался столь же важным орудием для познания различий в строении отдельных грамматических структур.

И снова, и снова мы приходили к выводу, ставшему под конец самоочевидным.

Есть два типа грамматических структур. Один из них остается сохраненным. Это те, в которых порядок слов соответствует порядку мыслей, где сами грамматические структуры не превращаются в сложные коды, вносящие свои, новые принципы в организацию мысли. «Наступила зима. Стало холодно. Пошел снег. Замерз пруд. Дети катаются на коньках». В этом нет ничего трудного. Но и, казалось бы, более сложные отрывки остаются доступными. «Отец и мать ушли в

театр, а дома осталась старая няня и дети». И это понимается без труда. Порядок мыслей и порядок слов здесь совпадают, сочетания слов рождают простую последовательность образов.

А вот другая фраза. В ней столько же слов и она такая же по длине, но разобраться в ней трудно. «В школу, где училась Дуня, с фабрики пришла работница, чтобы сделать доклад». Что это? Кто же сделал доклад? Дуня? Работница? А где училась Дуня? И кто пришел с фабрики? И куда?!

Сложная грамматическая конструкция дает совершенно однозначный ответ на все эти вопросы. Но разбитый мозг оказывается не в состоянии объединить, синтезировать отдельные кусочки, входящие в это предложение, соотнести их друг с другом, разместить их в единое целое, сделать всю конструкцию обозримой. И она так и остается непонятной для большого, который делает мучительные усилия, чтобы разобраться в ней, усилия, которые так и остаются безуспешными... И вот еще: «На ветке дерева гнездо птицы...». Это предложение из детского букваря кажется сначала таким простым. А на самом деле — нет, это совсем не так. Все слова кажутся здесь такими отдельными — «ветка», «дерево», «птица», «гнездо»... Мы уже говорили об этом. А как разместить их, объединить в одну стройную систему?!

Лабиринт грамматики

Грамматические формы так сложны... Как их усвоить? Наш герой стоит перед новыми трудностями.

И в дневнике [большого] появляются новые записи. Они начинаются с первых месяцев нашего знакомства, с тех дней, когда он только поступил в восстановительный госпиталь, с того времени, когда только-только начались занятия с ним. Они продолжают на протяжении всех двадцати пяти лет, все снова и снова появляясь на страницах его повести. Эти страницы написаны с особенно острыми переживаниями. В них отражены все судорожные попытки овладеть тем, что все время ускользало от него и что оставалось по-прежнему недоступным, несмотря на все его мучительные попытки. И скоро это стало центральным для его переживаний, тем фокусом, в котором отражались все бессильные попытки его поврежденного мозга.

«Ко мне подходит профессор и спрашивает: «Скажите мне, Лева, что видите вы на этой картинке?» Я вижу картинку, на которой нарисованы женщина и маленькая девочка. Я, конечно, ответил профессору, хоть и не сразу, что это женщина, а это... девочка. Тогда профессор говорит: «Это мама, а это дочка!». Странное дело, я перестал понимать в этих двух словах настоящий смысл слов, настоящее назначение этих слов. Я, наверное, растерянно смотрел на эту картину. Тогда профессор спросил: «Что означает «мамина дочка»? Здесь один человек или два в этих словах?» Не понимал я этой картины. Я понимал, что та-

кое «мама», что такое «дочка», а вот слова «мамина дочка» я не мог понять по-настоящему.

Профессор просил меня отвечать, как сумею. И я старался показывать два пальца, т. е. что там есть в этих двух словах и мама, и дочка. А профессор снова говорит: «А что такое «дочкина мама»?». И я опять долго думая и ничего не придумывая, показывал на две фигурки, то есть, что есть там и мать, и дочка. И в словах «мамина дочка» и «дочкина мама» мне слышалось одно и то же. И я говорил часто профессору, что это одно и то же...

А еще: «слон больше мухи» и «муха больше слона»...

Я понимал только, что «муха» маленькая, а «слон» большой, но разобраться в этих словах и ответить на вопрос, муха меньше слона или больше, я почему-то не мог. Главная же беда была в том, что я не мог понять, к чему относится слово «меньше» (или «больше») — к мухе или к слону. <...>

Я, конечно, по-прежнему знаю, что такое слон и что такое муха, знаю, кто из них большой, кто из них маленький, но вот связать в словах и понять, к кому же принадлежат слова «меньше» или «больше» то ля к слону, то ли к мухе? А тут еще колебания и в разбитом мозгу, и в поле зрения. И мне приходится подолгу думать и гадать, как же мне правильно сказать об этих словах: «слон меньше мухи или больше?». До сих пор существуют мои колебания в моем мозгу, и что в этих понятиях «меньше и больше», на это я подчас бессильно ответить...

...Я уже начал запоминать и осознавать значения слов «ниже» и «выше». «Лампочка выше кровати» или «кровать ниже лампочки». Но все равно почему-то в голове моей происходит какая-то путаница и неразбериха даже и здесь: то отвечаешь правильно, то неправильно. А вот тут в словах «над» и «под» осознать и запомнить их значения и связать их с вещами «круг» и «крест» я почему-то не мог и не могу вовсе и до сих пор. Много таких вещей с понятиями я не в силах осознать и запомнить сразу, не в силах охватить их в речи, в памяти...

Я сначала почему-то никак не мог понять смысл слова «одолжила», к кому их отнести — к Соне или к Варе, кто кому должен. Мне легче понять такие слова: Соня дала 100 рублей Варе, или Варя дала Соне 100 рублей. «Что такое — Иван одолжил у Сергея 30 рублей. Кто получил деньги в долг?»...

...А вот профессор говорит мне, открывая свои альбом с различными картинками и показывая мне на картинку с цветными кошками: «Правильно ли я так скажу или нет: черная кошка меньше белой, но больше красной?». В этих словах мне очень трудно разобраться, к тому же этих слов очень много (кошка черная, кошка белая, кошка красная, и все эти кошки то побольше, то поменьше, то еще меньше), а я теперь от ранения могу сравнить и понять только одно слово, одно его понятие. А тут очень много понятий раз-

нообразных и много от этого путаницы. Я вижу на рисунке большую черную кошку, потом вижу белую кошку поменьше, потом вижу красную кошку самую маленькую. Глазами я их понимаю и по размеру, и по росту. Но вот я никак не могу их сравнить друг с другом в понятиях «меньше» и «больше», не могу их понять, к кому отнести меньше, к кому отнести больше, эти слова — то ли к левой стороне, то ли к правой стороне?

...Меня тревожат без конца невспоминания слова ли, образа ли, понятия ли, непонимания связей в понятиях. А тут еще непонимание разных вещей в людской речи и в памяти, как «муха меньше слона или больше?» или «Слон меньше мухи или больше?» Сколько я ни стараюсь — я до сих пор остаюсь не в силах понять и осознать сразу связи в этих словах, не в силах припомнить и осознать, к кому же отнести связи — к первому или второму (муха, слон). После ранения, хотя и со страшным трудом, но я снова запомнил все буквы русского алфавита. А вот запомнить слова-связки (меньше — больше) я сразу почему-то не могу и долго думаю, как же правильнее надо ответить на поставленный хотя бы и самим собой вопрос. От перемещения слов смысл связки в понятиях резко меняется».

Уже очень скоро стало ясным, что невозможность понять сложные коды языка, схватить смысл, скрытый за логико-грамматическими структурами — центральный факт его заболевания, одно из главных проявлений дефектной работы тех систем мозга, которые были поражены у нашего больного.

Он понял это сам и, услышав от врачей это слово, обозначил свою болезнь термином «умственная афазия», описав его с точностью, достойной опытного исследователя, и уложив все переживаемые трудности в одну общую картину...

Он хорошо понимал глубину постигшей его катастрофы и пришел к выводу, что он должен снова овладеть утерянным, должен во что бы то ни стало восстановить то, что раньше давалось ему так легко и что теперь было разбито.

Так началась борьба за мысль, борьба за ясное сознание, борьба за понимание непонятого. Им руководили, ему были даны опытные психологи-учителя, руководительницы — сначала, одна, потом другая, и третья.

Вместе с ним разрабатывались десятки приемов, находились вспомогательные опоры, составлялись алгоритмы поведения...

«Брат отца...», «брат моего отца...». Основное — «брат», а брат кого? моего отца... «Круг над крестом». Это круг... он под чем? «под крестом...», «-ом», это значит, что крест сверху — надо перевернуть... «Слон больше мухи...» «Значит этот слон — больше, он большей... больше кого? Мухи... этой маленькой мухи...

Казалось бы, простая и такая быстрая, «свернутая» операция — заменялась длинной цепью рассуждений, опирающихся на вспомогательные средства и превращающихся в долгую, развернутую, использующую внешние костыли, работу.

И он стал усваивать значение сложных грамматических конструкций, но только путем таких развернутых рассуждений, на которые он опирался, но смысл каждого из которых он так и не мог схватить...

Это была титаническая борьба, с надеждами и мучительными разочарованиями, с медленными успехами, с муками неудач...

(Лурия А.Р. Потерянный и возвращенный мир (история одного ранения). — М., 1971.)